

Жители деревни, помня о великих заслугах пары, установили таблички для почитания.

Госпожа Циньвэй была той самой красивой женщиной.

Возможно, Госпожа Циньвэй всё ещё любила народ и защищала его, поэтому молитвы и просьбы здесь часто сбывались.

Не говоря уже о других аспектах, но те, кто просил денег, в семи-восьми случаях из десяти получали некоторый ответ.

Гун Чжэнь смотрел с сложным выражением на медную статую Писиу у входа:

— Все, кто приходит сюда, трогают её, чтобы увеличить свою денежную удачу.

Этот даосский храм Фэншань управлялся Даосом Ваном. Его храм был популярен, и каждый год он передавал много денег государству.

Поэтому он стал заместителем председателя ассоциации, но сейчас...

Он сбился с пути.

Когда они пришли сюда, Шэнь Чжу прищурился, с интересом потирая подбородок.

Даосский храм Фэншань, которому поклонялись верующие, должен был излучать чистую энергию и быть наполненным духовной ци. Но Шэнь Чжу видел не это.

Темная аура исходила из храма, обвивая медную статую Писиу цепями.

Затем она отрывала часть чистой энергии от статуи, чтобы заполнить пробелы, внутри которой был запечатан божественный зверь, излучающий запах денег.

Шэнь Чжу облизал зубы, чувствуя сильное желание:

— Писиу действительно приносит денежную удачу?

Он никогда не сталкивался с Писиу, только слышал слухи. Правда это или нет, он не знал.

Если это правда, он спасет его.

[Система]: .....

Хозяин, ты ведь не ради более удобного угнетения?

— Если веришь, то есть, если не веришь, то нет, — с легкой улыбкой сказал Янь Юцзю, его глубокий взгляд скользнул по статуе Писиу.

Его спокойный вид казался таким, будто он ничего не заметил.

Очень наигранно.

Некоторые притворяются мастерами, утверждая, что могут видеть всё, чтобы обмануть, но настоящие обладатели Небесного ока чаще всего обычные люди, страдающие и мучающиеся от этого. Лишь немногие могут использовать это правильно и достичь успеха. Шэнь Чжу был среди успешных, а Янь Юцзю в прошлом мучался.

Сейчас Янь Юцзю был счастлив, что только он мог видеть скрытый золотой свет маленького глупыша.

— Это действительно волшебство! Я в прошлый раз загадал желание, и мне повысили зарплату! Теперь я пришел с благодарностью!

— Да-да, я тоже. Мой руководитель выдал премию, которой изначально не должно было быть...

— Эх, даосский храм Фэншань действительно волшебный!

Две женщины среднего возраста, радостно переговариваясь, прошли мимо них, неся в руках огромные пучки благовоний. Самый толстый из них был длиной в метр.

Они словно не чувствовали тяжести, легко шагая внутрь храма.

Шэнь Чжу прищурился:

— Хм...

Он с любопытством вошел внутрь, посмотрел вверх и увидел, что на лбу статуи была красная точка, но не было ни луча божественного света.

Зато был знакомый запах денег, который, вероятно, был украден у статуи Писиу.

Это было похоже на сумасшедшего, чье лицо гнило, но он крал чужие лица, чтобы скрыть это.

Писиу, у которого украли лицо, тоже страдал.

Гун Чжэнь, войдя в храм, почувствовал странный дискомфорт.

Он был на пороге достижения Сяньтянь, его восприятие было острым, и он с удивлением почувствовал зловещую ауру.

Глаза Шэнь Чжу загорелись. Он с улыбкой смотрел на статую, словно видел что-то интересное.

Гун Чжэнь повернул голову и увидел это выражение, его сердце замерло.

Гун Чжэнь понизил голос:

— Там есть...

— Да, — улыбнулся Шэнь Чжу.

Ничего интересного. Шэнь Чжу потерял интерес и, уходя, случайно встретил Даоса Вана, который водил иностранных друзей по храму.

Даос Ван был высокомерен, здесь он был хозяином.

— О, это...

Но он только начал, как Шэнь Чжу бросил на него холодный взгляд, и он замер на месте, не смея пошевелиться.

Вернувшись в отель, Гун Чжэнь с мрачным лицом пришел к Шэнь Чжу.

Шэнь Чжу сказал:

— Никогда не было Госпожи Циньвэй.

Малыш Таоте потер нос:

— Она воняет, даже хуже, чем запах ферментированного тофу у волосатого зомби.

— Ммм, но этот Писиу такой несчастный. Может, я съем его, чтобы помочь ему освободиться,
— тихо пробормотал Малыш Таоте, надув губы.

Все они были большими любителями поесть, и Малыш Таоте не хотел, чтобы Писиу отобрал у него место.

Как божественный зверь, Сечжи чувствовал это сильнее всех и был в ярости.

Если бы с ним так поступили, он бы сражался до смерти. Даже если бы не смог спасти себя, он бы унес с собой обидчика.

Лазурный Дракон кивнул:

— Писиу настоящий, а Госпожа Циньвэй — нет.

Син Тянь больше всех не мог этого выносить. Если бы не Чжу Мин, он бы уже разнес храм в щепки.

Голова Гун Чжэня загудела, словно в неё вбили гром.

— Этот Даос Ван действительно...

Прежде чем они смогли что-то решить, Гун Чжэнь получил звонок, и его лицо изменилось.

Он не смог сохранить спокойствие, зубы сжимались, а глаза горели гневом, словно он хотел кого-то растерзать.

— Что случилось? — поднял бровь Шэнь Чжу.

— Наши сокровища и артефакты пропали! — Гун Чжэнь сжал кулаки, его глаза горели яростью.

Его взгляд был словно острые лезвия, готовые разрезать вора на куски.

Они спрятали их так, что только председатель и заместитель знали. Вдруг они исчезли — вероятно, это дело рук Даоса Вана.

К тому же среди иностранцев был тот, кто мог скрываться и прятать свою ауру, так что украсть сокровища было несложно.

Это было просто безумие.

Предатель и подлец. Чтобы стать председателем, он подлизывался к этим иностранцам, используя грязные и подлые методы, вызывая отвращение.

— Может, вечером спасем Писиу, — предложил Сечжи, поправляя очки.

Шэнь Чжу с одобрением кивнул:

— Писиу хороший товарищ, его нужно спасти.

Все:

.....

Нет, мы не верим. Разве не видно, что в твоих глазах только деньги?

Маленький жадина тоже милый. Янь Юцзю сдержал смех.

Гун Чжэнь руками согласовал. Раз Даос Ван украл сокровища страны, они не будут церемониться.

Они уничтожат его базу!

Гун Чжэнь не мог усидеть на месте.

Хотя это могло бы стать ударом по Даосу Вану, он не мог радоваться. Чтобы победить иностранцев, они выставили сокровища своих школ. Если они потеряют их, это вызовет ненависть школ, а если иностранцы украдут их, это будет катастрофа.

Это были реликвии, передаваемые на протяжении тысячелетий, сокровища страны Яньхуан, принадлежащие её потомкам.

Сейчас самое важное — вернуть сокровища и подготовиться к завтрашним соревнованиям.

Если они не смогут представить что-то достойное завтра, великая страна станет посмешищем.

Шэнь Чжу сказал:

— Поиск сокровищ поручим Таоте.

Всё, что можно решить с помощью обоняния и силы, для Таоте не проблема.

Что касается сокровищ... Шэнь Чжу нахмурился, задумавшись, и наконец выплюнул три вещи.

Гун Чжэнь был в шоке.

Глядя на эти сияющие сокровища, он словно потерял дар речи, чуть не задохнувшись.

Это, это это...

— Можно? — Шэнь Чжу был спокоен, не видя в этом ничего особенного.

Шатаясь, Гун Чжэнь присел на корточки, его пальцы дрожали:

— Жемчужина Цянькунь?

— Камень, латающий небеса...

— Тыква-горлянка девяти изгибов?!

Шэнь Чжу нахмурился, вспоминая, и кивнул. Это были те самые, он обменял их на

божественный огонь у старика на быке.

— Боже мой! Сокровища Сяньтянь, — Гун Чжэнь был в восторге, его глаза горели.

Он тяжело дышал. Несколько раз Шэнь Чжу думал, что он упадет в обморок. Здоровый мужчина покраснел до шеи.

Сделав несколько глубоких вдохов, Гун Чжэнь успокоился и с сожалением покачал головой.

Шэнь Чжу не понял, нахмурившись:

— Мало?

— Нет, они слишком ценные, это абсолютно невозможно, — Гун Чжэнь остыл, с горечью вздохнув.

Если выставить такие сокровища, это, конечно, произведет впечатление, но и привлечет множество завистников.

Не говоря уже о иностранцах, даже внутри страны...

Шэнь Чжу моргнул, улыбнувшись:

— Пусть приходят, я только рад.

Это сэкономит на зарплате!

Ха, не прогадаю.

— Это последний выход, ни в коем случае нельзя так делать, — Гун Чжэнь с сухостью в горле пытался его убедить.

— Завтра у тебя есть сокровища? — поднял бровь Шэнь Чжу.

Гун Чжэнь замер.

— Нет, прости.

Син Яо нетерпеливо сказал:

— Не переживай. Раз «Сковорода» сказала, значит, всё в порядке. Если кто-то придет, я его убью.

Эти сокровища были всего лишь красивыми, они не могли сражаться, их ценность была только в их внешнем виде.

Они были как современные панды.

Сила не важна, сила укуса не важна, она не нужна.

К тому же, как бог войны, прошедший трудовое перевоспитание, он был жестоким.

Он надеялся, что больше людей присоединятся к перевоспитанию.

Потирая кулаки, Син Тянь предложил:

— Мы спасем этого Писиу, и он должен будет отработать свой долг!

Шэнь Чжу посмотрел на него с одобрением.

— Посмотри, как популярны браслеты с Писиу. Пусть сам их делает и продает.

Син Тянь был рано испорчен обществом.

Как генеральный директор, он придумал множество способов угнетать несчастных сотрудников, что открыло глаза Шэнь Чжу.

Лазурный Дракон смотрел с жалостью. Неужели он не думал, что сам является одним из угнетенных?

Эти методы рано или поздно применятся к ним самим?

<http://bllate.org/book/16899/1567139>